

Комментарии о Государстве и Бизнесе

⊕ 207

14 мая 2019

Все мнения, высказанные в данном обозрении, отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с официальной позицией НИУ ВШЭ

Реальный сектор

Россия и конкуренты: кто победит в гонке за производительностью?

Начало 2019 г. ознаменовалось замедлением темпов роста российской экономики. Прирост промышленного производства и экономики по сравнению с оптимистичной концовкой 2018 г. замедлился, и предприниматели, судя по опросам, в течение ближайших двух-трех месяцев не ощущают перспектив улучшения конъюнктуры. Министерство экономического развития настроено на улучшение ситуации во второй половине года, но в целом экономическая конъюнктура остаётся неопределённой.

Среднесрочные перспективы роста экономики во многом определяются уровнем и темпами роста производительности труда, а также совокупной факторной производительности (TFP). Новый обзор Productivity Brief, выпущенный в апреле 2019 г. известным аналитическим центром The Conference Board, позволяет проанализировать, как динамика производительности труда в России выглядит в последние два десятилетия на общемировом фоне.

Согласно этим расчетам, в период после 2014 г. лидеры роста – Индия и Китай – характеризуются значительным положительным приростом TFP и значительным ее вкладом в прирост ВВП (как и в России), что может быть связано с притоком иностранных инвестиций (в Китае и Индии) и известными плюсами модели догоняющего развития. При этом в мире в целом основным фактором роста ВВП является не рост TFP, а рост вещественного капитала. Важно отметить, что данные The Conference Board для России уже в период 2010–2014 гг. значительно расходились с данными проекта KLEMS, в рамках которого тоже оценивалась TFP и ее вклад в рост ВВП: первые фиксировали заметный положительный прирост TFP в России, тогда как вторые – практически нулевой ее вклад в прирост ВВП. Поэтому к нынешним оптимистичным (для России) оценкам The Conference Board для периода 2015–2019 гг. следует относиться со значительной осторожностью, а для получения всесторонней картины придется ждать обновления данных KLEMS, которые сейчас заканчиваются 2014 годом.

1. Экономическая конъюнктура в России в начале 2019 г.

В начале 2019 г. экономика России, как и ожидалось, замедлилась. После роста ВВП на 2,3% в годовом выражении в 2018 г. (в том числе на 2,7% в четвертом квартале) в январь-марте текущего года рост экономики, по предварительной оценке Минэкономразвития, составил лишь 0,8%. При этом последние данные о динамике промышленного производства также демонстрируют торможение: в марте темпы роста промышленного производства составили 1,2% год к году, а в целом за первый квартал получилось 2,1% (против 2,9 и 2,7% в 2018 г. и в четвертом квартале прошлого года соответственно). Основной вклад в нынешнее замедление внесло торможение роста в добыче полезных ископаемых (с 7,2% прироста год к году в четвертом квартале 2018 г. до 4,7% в первом квартале 2019 г.). Темпы роста обрабатывающей промышленности в первом квартале 2019 г. хотя и ускорились (с 0,9 до 1,3%), но остались весьма низкими.

При этом, в соответствии с опросами Росстата, предприниматели не ожидают улучшения в динамике выпуска и спроса во втором квартале: в марте диффузные индексы ожиданий роста выпуска и спроса на ближайший квартал снизились по сравнению с февралем на 0,5 п.п. как в добыче полезных ископаемых, так и в обрабатывающей промышленности. Правда, в электроэнергетике они выросли (на 0,5 и 1,5 п.п. соответственно)¹, однако это, скорее всего, объясняется «эффектом базы» (в первом квартале текущего года выпуск в секторе обеспечения электроэнергией, газом и паром сократился на 1,5% в год к году и теперь, вероятно, ожидается естественный «отскок»).

В новом варианте среднесрочного прогноза развития российской экономики на период 2019–2024 гг. Минэкономразвития ожидает скорого улучшения ситуации в промышленности, так как в своем базовом сценарии предсказывает рост промышленности на 2,3% в 2019 г., а ВВП – на 1,3². Тем не менее, судя по опросам Росстата, ситуация остается крайне неопределенной и в случае каких-либо неожиданных шоков может быстро измениться в любую сторону (в том числе, в сторону ускорения темпов роста). К числу положительных сигналов можно отнести то, что инфляционные ожидания в обрабатывающей промышленности, судя по опросам, снижаются (при их стабильности в добыче), а уровень запасов в обработке, в целом, оценивается как находящийся ниже нормы (диффузный индекс меньше 50%). В период кризиса или стагнации ситуация с запасами бывает прямо противоположной.

2. О важности показателей производительности для анализа экономических перспектив

При всей важности анализа краткосрочных флуктуаций экономики, средне- и долгосрочные перспективы ее роста определяются производительностью в широком понимании этого слова, то есть и производительностью труда (то есть соотношением реальных объемов выпуска и затрат живого труда – наиболее наглядным, но не самым точным измерителем производительности), и совокупной факторной производительностью (TFP)³. Увеличению роста производительности труда отводится значительное место в национальных проектах Российской Федерации, принятых в 2018 г. Здесь мы попытаемся разобраться, как выглядят российские показатели производительности, насколько они сопоставимы с общемировыми и каковы тенденции их изменения.

¹ Для расчетов диффузных индексов нами использованы данные Росстата и ИСИЭЗ НИУ ВШЭ (сезонность устранена).

² <http://economy.gov.ru/mines/press/news/2019040903>

³ Или мультифакторной производительностью.

Рассмотрим для начала официальную российскую статистику. Рисунок 1 показывает, что наиболее провальными для экономики в целом были кризисные 2009 и 2015 гг., когда прирост производительности труда «ушёл в минус». Начиная с 2016 г., прирост производительности – устойчиво положительный (около 2% в 2017–2018 гг.), хотя налицо значительная волатильность показателя и в 2019 г. ожидается его замедление примерно на 0,5 п.п. (рис. 1). В обрабатывающей промышленности темпы

прироста производительности труда, как правило, выше, чем в добывающей промышленности и в экономике в целом. 2018 год эту тенденцию подтверждает. Так, в обзоре российской экономики⁴ мы уже приводили наши предварительные оценки роста производительности труда в индустриальном секторе в январе-октябре 2018 г. (2,3% по промышленности в целом, 0,7% в добыче и 4,6% в обработке). Исключениями с точки зрения опережающего роста производительности в обрабатывающей промышленности стали 2009 и 2017 гг., а также начало текущего года. Так, в текущем году с учетом изменения числа замещенных рабочих мест **рост производительности труда в начале года по промышленности в целом, добыче и обработке, по нашим расчетам, можно оценить в 3, 5,5 и 3,5% соответственно.**

На рис. 1 также показан прогноз прироста производительности труда по экономике в целом, основанный на базовом сценарии развития экономики, обнародованном Минэкономразвития в апреле. Согласно этому прогнозу, после 2019 г. прирост производительности труда будет повышаться и с 2021 г. стабилизируется на уровне около 3% в год.

Для того чтобы понять, много это или мало, происходит ли ускорение или замедление роста производительности труда, рассмотрим динамику производительности в российской экономике с учетом мировых тенденций, используя недавно опубликованный обзор Productivity Brief, подготовленный The Conference Board. Для начала отметим, что, согласно этим оценкам, **рост производительности труда в России характеризуется серьезным замедлением. Если в 2000–2007 гг. ее прирост составлял в среднем 5,9% за год, то в 2010–**

Рис. 1. Прирост производительности труда в целом по экономике РФ, а также в добывающей и обрабатывающей промышленности, 2007–2018 гг. (факт и оценка), 2019–2024 гг. (прогноз)

Примечание. Прогноз МЭР рассчитан нами на основе сопоставления прогнозируемой ведомством динамики ВВП и численности занятых.

Источник: Росстат, доклад МЭР «Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и прогнозируемые изменения цен (тарифов) на товары, услуги хозяйствующих субъектов, осуществляющих регулируемые виды деятельности в инфраструктурном секторе на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов».

⁴ Миронов В., Кузнецов А. ВВП и промышленное производство в 2018 г.: итоги года и перспективы роста // Бюллетень «Комментарии о Государстве и Бизнесе». 18 февраля 2019 года. № 190. URL: <https://dcenter.hse.ru/mon/71896859/244877273.html>

2017 г. лишь 1,4%, а в 2019 г., по прогнозу экспертов The Conference Board, он достигнет 2,9% (по нашей оценке, в первом квартале, с учетом изменения числа замещенных рабочих мест и динамики ВВП, он составил лишь 1,7%). При этом **по абсолютному уровню производительности труда с учетом ППС Россия в прошлом году, хотя и занимала уверенное первое место среди стран БРИК (превышая среднемировой уровень в 1,5 раза, а уровень Китая в 1.7 раза), однако существенно – в 2,2 раза – отставала от уровня США (табл. 1), что делает задачу увеличения производительности труда крайне актуальной.**

Таблица 1. Прирост и уровень производительности труда в странах БРИК, США и мире, 2000–2019 гг., в %

	2000-2007	2010-2017	2017	2018	2019 (прогноз)	% от уровня США, 2019
Китай (оф. данные)	9,8	7,6	6,7	6,7	6,6	27
Индия	5,4	5,9	5,0	5,9	5,2	15
Россия	5,9	1,4	2,0	1,9	2,9	45
Бразилия	0,9	0,9	1,1	-0,3	0,3	25
США	1,8	1,0	0,7	1,5	1,1	100
Мир	2,9	2,3	2	1,9	2	31

Источник: The Conference Board Productivity Brief 2019.

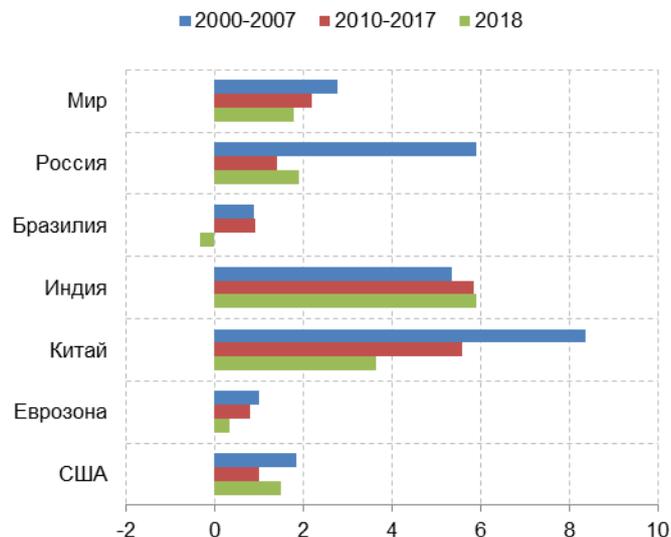
Вообще следует отметить, что **прирост производительности труда, начиная со второй половины 2000-х гг., демонстрирует явную тенденцию к замедлению не только в России, но и во всей мировой экономике.** В докладе Productivity Brief приведены тренды прироста производительности труда начиная с 1970 г. В группе развитых стран наблюдается монотонное замедление, начавшееся ещё в 1970-х гг. (некоторое ускорение спада здесь имело место в начале 1980-х и конце 1990-х). При этом в экономике США картина иная: после стабильного ускорения роста производительности труда в 1980-х и 1990-х последовало замедление до уровня начала 1980-х, однако после 2015 г. начался период стабилизации. В развивающихся экономиках наблюдалась гораздо более выраженная волатильность: после нулевых темпов роста производительности труда в середине 1980-х последовал резкий рост с выходом на гораздо более высокий уровень, чем у США и прочих развитых стран, а после кризиса 2008–2009 гг. рост сменился столь же резким спадом. **Это касается как мира в целом, так и отдельно развитых и развивающихся стран. При этом, однако, после 2007 г. замедление роста производительности труда в России, наложившееся на кризисное падение нефтяных цен, выражено явно сильнее, чем у других стран БРИКС (кроме Индии) и в мировой экономике в целом.**

Перейдём к более детальному анализу данных, опубликованных в упомянутом обзоре. Согласно оценкам The Conference Board, начиная с 2011 г. средний прирост производительности труда по ведущим экономикам не поднимался выше 1,2%. В частности, в 2018 г. он составил 1%, а в 2019 г., по прогнозам, будет равен 1,1%. В США, по замечанию авторов обзора, самоподдерживающийся рост производительности начала 2000-х сменился ощутимой стагнацией. Ещё хуже дела в Европе: 2018 г. был «исключительно слабым», прирост производительности труда равнялся всего лишь 0,2%.

Иная картина сложилась в странах БРИКС. Здесь средний прирост производительности труда составил в 2018 г. 2,5% и, предположительно, будет ещё несколько выше в 2019 г. **Темпы прироста производительности труда в России пока ниже средних (1,9% в 2018 г.), однако на 2019 г. авторы обзора прогнозируют скачок на целый процентный пункт.**

В Китае, напротив, темпы роста производительности замедляются, оставаясь, впрочем, весьма высокими на общем фоне (превышают темпы роста развитых стран в разы): в 2010 г. они равнялись 9%, на 2019 г. прогнозируется падение ниже 7% (по неофициальной статистике, они уже находятся на уровне 4%). Кстати, за последние десятилетия это первый случай замедления темпов роста производительности труда в Китае, что связывают со старением населения (характерного уже не для развивающейся, а довольно развитой страны). Есть чем похвастаться Индии: прирост производительности в 2018 г. составил 5,9%. А вот Бразилия оказалась в аутсайдерах: в 2018 г. здесь наблюдался спад производительности труда, частично объяснимый ростом количества занятых (рис. 2).

Рис. 2. Прирост производительности труда в 2000–2018 гг., в %

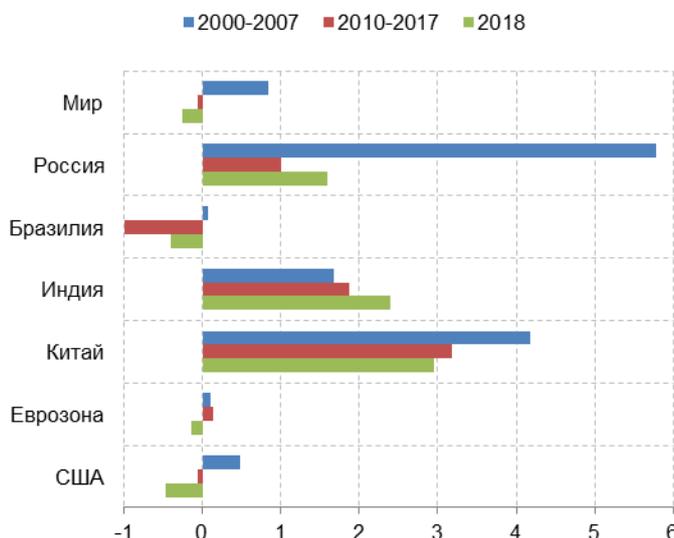
Источник: The Conference Board Productivity Brief 2019 (Total Economy Database – TED-original).

здесь наблюдался спад производительности труда, частично объяснимый ростом количества занятых (рис. 2).

3. Анализ мультифакторной производительности в России и мире

Перейдём к краткому описанию ситуации с TFP (совокупной факторной производительностью) и её вкладом (наряду с трудом и капиталом) в формирование ВВП. Здесь следует отметить, что **в 2018 г., по данным The Conference Board, в России наблюдался рост TFP, чем могут похвастаться далеко не все страны.** Рост отмечен также, например, в Индии; в Китае зафиксирован рост по официальным данным (таковые приводятся во всех графиках и таблицах данной статьи), при этом неофициальная статистика фиксирует спад (рис. 3). Спад TFP зафиксирован в США, еврозоне, а также в группах «развитые страны» и «развивающиеся страны».

Рис. 3. Прирост TFP в 2000–2018 гг., в %

Источник: The Conference Board Productivity Brief 2019 (Total Economy Database – TED-original).

Таблица 2. Прирост TFP в России, некоторых блоках стран и крупнейших экономиках, 2010–2018 гг., в %

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Россия	4,8	2,9	1,5	0,5	0,0	-3,2	0,2	1,4	1,6
Китай (оф. данные)	3,9	4,0	2,6	3,1	2,9	3,0	3,0	3,0	2,9
США	1,7	-0,5	-0,1	-0,2	0,1	0,0	-0,4	0,4	-0,3
Еврозона	1,2	0,2	-1,1	-0,4	0,3	0,3	0,1	0,6	-0,1
Развитые страны	1,6	-0,1	-0,4	-0,1	0,1	0,1	-0,1	0,6	-0,2
Развивающиеся страны	2,4	0,6	-0,8	-0,1	-0,2	-1,2	-0,8	-0,1	-0,1

Источник: The Conference Board Productivity Brief 2019 (Total Economy Database – TED-original).

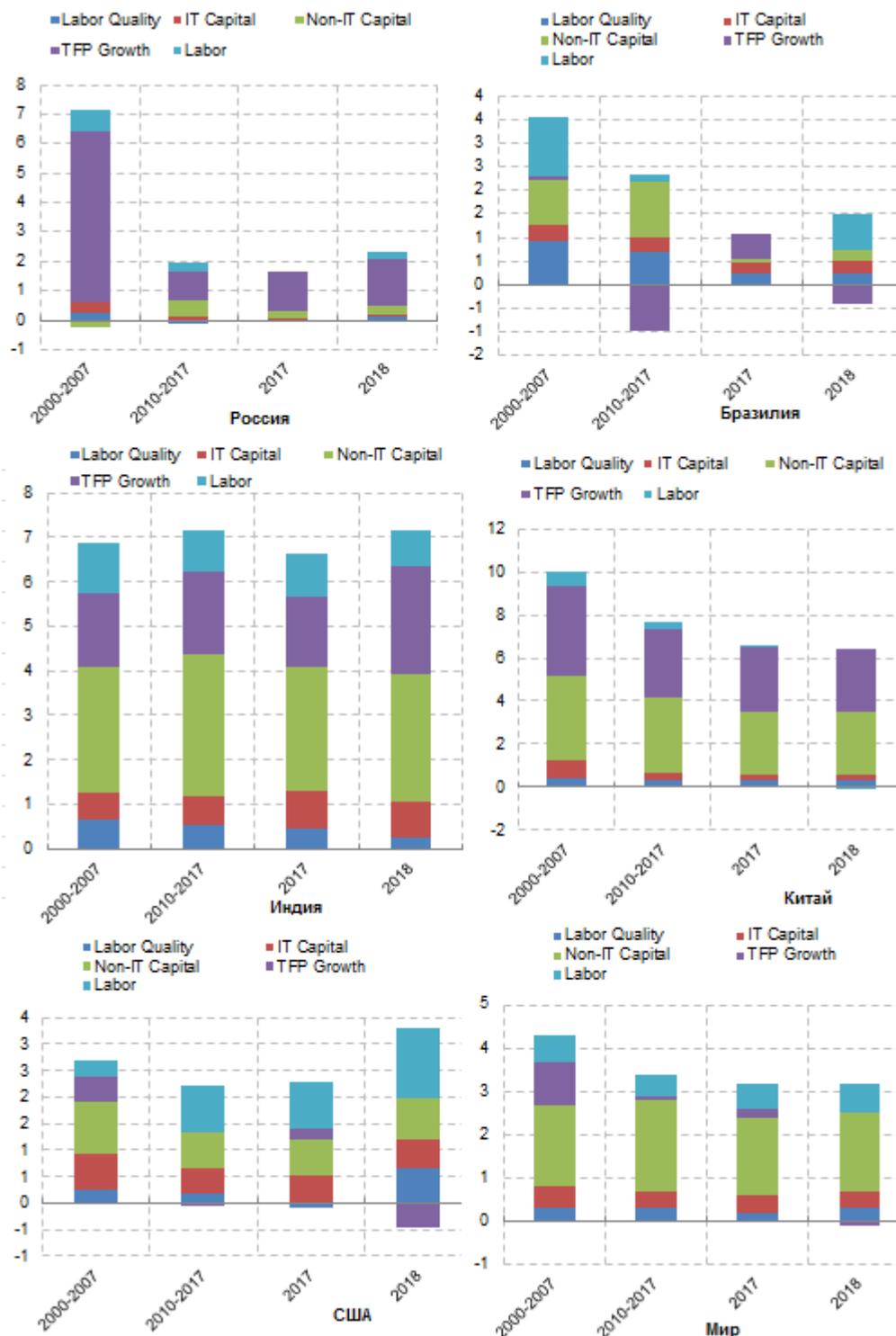
Впрочем, данный показатель является гораздо более волатильным, нежели производительность труда; кроме того, этот показатель до сих пор порождает дискуссии об адекватной его интерпретации. В частности, рост TFP (или мультифакторной производительности) можно охарактеризовать как изменение объема производства, которое не может быть объяснено изменением количества капитальных и трудовых ресурсов, используемых для производства (в теоретических производственных функциях этот показатель интерпретируется как «коэффициент технического прогресса»). В используемой нами в данном случае базе данных Total Economy Database original (TED) мультифакторная производительность измеряется путем вычета роста затрат труда и капитала из роста выпуска, то есть остаточным путем. Получается, что на практике эта мера отражает не только совокупные последствия неосязаемых (то есть не связанных с вводом новых основных фондов) технических изменений, но и эффекта масштаба, изменения эффективности, различия в использовании мощностей и погрешности измерений.

В обзоре The Conference Board предлагается разложение прироста ВВП (добавленной стоимости в экономике) на следующие компоненты: вклад количества труда, вклад качества труда, вклад информационного капитала, вклад прочего вещественного капитала и вклад прироста общей факторной производительности⁵. По оценкам The Conference Board, в России динамика TFP в последние годы тесно коррелирует с ростом производительности живого труда (рис. 2 и 3) и TFP вносит здесь основной вклад в медленный рост ВВП (в то время как в Бразилии и США вклад этого показателя часто отрицательный). В экономический рост Китая основной вклад в равной степени вносят TFP и «прочий» капитал, доля же остальных компонентов незначительна (рис. 4). Схожая с российской ситуация сложилась в Индии, но там немалое значение имеет также прирост числа замещённых рабочих мест.

В целом же в мире и в крупных развивающихся экономиках решающее значение для роста ВВП имеет прирост «вещественного» капитала (не информационного), а роль TFP, наоборот, весьма мала (рис. 4). Связано это, возможно, с переносом обрабатывающей промышленности в развивающиеся страны, в которых на данный момент производство поддерживается преимущественно традиционными видами капитала и ростом численности работников. В США и прочих развитых экономиках весьма значима роль человеческого капитала при стабильно высоком вкладе других факторов, в частности, ИКТ (рис. 4).

⁵ Иная методика используется, например, в проекте KLEMS или PWT.

Рис. 4. Вклады различных компонент в прирост ВВП в разных странах, 2001–2018 гг., в среднем за год, п.п. (по данным базы данных TED, The Conference Board)

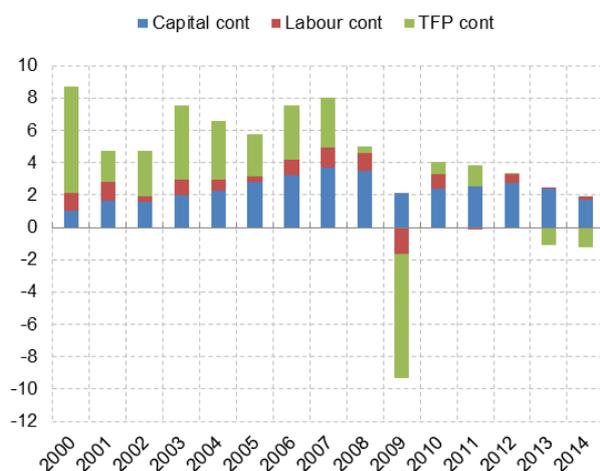

Источник: The Conference Board Productivity Brief 2019 (Total Economy Database – TED-original).

Здесь следует сделать важное замечание: используя альтернативную статистическую информацию, например, данные KLEMS, можно прийти к совершенно иным выводам относительно динамики TFP в российской экономике (рис. 5 и 6). Так, согласно этим данным, до 2007 г. прирост TFP в России действительно был высок и вносил решающий вклад в рост ВВП, однако в кризис 2008–2009 гг. динамика TFP ушла в минус, будучи в

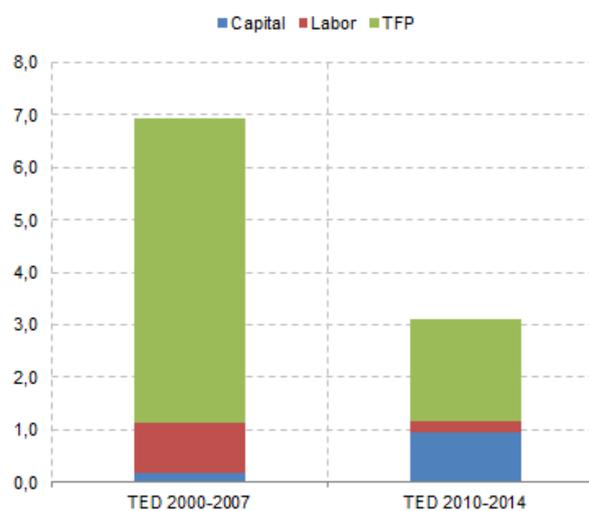
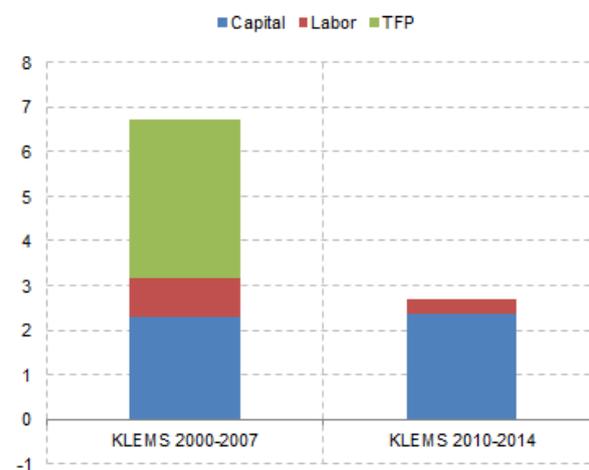
дальнейшем слабopоложительной либо слабоотрицательной⁶. Впрочем, противоречие между данными из разных источников, по сути, сводится к тому, каковы реальные масштабы замедления, а не к тому, есть ли оно в принципе. Негативный перелом в поведении TFP фиксируют обе статистические базы (рис. 4 и 5), и это однозначно тянет прирост ВВП вниз. Расхождение в данных двух баз состоит ещё и в том, что, по данным KLEMS, вклад капитала является весьма значимым; по данным же TED, он невелик, хотя и возрастает в период 2010–2014 гг. (рис. 6).

Рис. 5. Вклад труда, капитала и TFP в прирост добавленной стоимости в России, 2000–2014 гг. (по данным KLEMS), п.п.

Источник: KLEMS datadase, March 2017 release (Russia).

Рис. 6. Вклад труда, капитала и TFP в прирост добавленной стоимости в России, 2000–2014 гг. (по данным KLEMS и сравнение с данными The Conference Board), п.п.

Источник: The Conference Board Productivity Brief 2019; KLEMS database.

⁶ Она осталась положительной в обрабатывающей промышленности и секторе финансовых услуг (в отраслевом разрезе – в производстве резиновых и пластмассовых изделий, химическом производстве, производстве текстильных изделий и некоторых других отраслях), но в добыче полезных ископаемых и укрупнённом секторе «торговля, строительство и телекоммуникации» виден явный спад.

4. Выводы

В заключение отметим, что рост производительности в России сдерживается, в частности, сырьевым характером экономики, когда долгие годы нефтегазовая рента снижала стимулы у предпринимателей вкладывать средства в основной капитал и техническое перевооружение, а у работников – стимулы к вложениям в образование и переквалификацию. Другие причины замедления темпов роста производительности заключаются в высокой степени неопределённости в экономике России, слабом внутреннем спросе и затруднении перетока рабочей силы в высокопроизводительные отрасли. При этом **на первый взгляд кажется, что на общемировом фоне российские тенденции в части роста производительности труда в последние годы смотрятся не так уж плохо. Однако это лишь в сравнении с развитыми экономиками, но не на фоне по-прежнему быстро растущих развивающихся стран, от которых Россия по темпам роста производительности труда сильно отстает, хотя пока опережает другие страны БРИКС по абсолютному уровню производительности в расчете на одного работника.**

По сравнению с другими развивающимися странами, по данным отчета The Conference Board (Productivity Brief 2019) Россию вроде бы чисто статистически отличает высокий вклад совокупной факторной производительности в прирост ВВП, однако при этом в России гораздо ниже темпы роста самого ВВП и вклад в экономический рост других факторов, в частности, вещественного и человеческого капитала (рис. 4). К тому же велика вероятность того, что данные The Conference Board завышают вклад TFP в прирост российского ВВП, о чем говорилось выше. В ближайшие годы понижающее давление на динамику совокупной факторной производительности в России будет оказывать наличие технологических санкций и резкое снижение притока ПИИ.

Кроме нейтрализации указанных негативных факторов, для ускорения роста экономики в России **целесообразно увеличить весьма низкий по мировым меркам вклад в рост российской экономики вещественного и человеческого капитала.** Это требует нетривиальных шагов при сохраняющемся высоком уровне неопределенности, сдерживающем инвестиционную активность частного бизнеса, дефиците квалифицированных кадров, низкой мобильности рабочей силы, что затрудняет закрытие низкопроизводительных рабочих мест и переток дефицитных ресурсов в быстро растущие высокопроизводительные сектора и регионы. Другими словами, принцип созидательного разрушения, важность которого вряд ли подлежит сомнению, пока с трудом пробивает себе дорогу. Также нельзя не отметить значительно более низкий, по мировым меркам, размер вложений в человеческий капитал в России. В силу негативного влияния на динамику TFP это также тормозит экономический рост.

Валерий Миронов, Алексей Кузнецов, Наталья Самсонова

Команда «Центра развития»

Дарья Авдеева
Наталья Акиндинова
Елена Балашова
Николай Кондрашов
Людмила Коновалова
Алексей Кузнецов
Валерий Миронов
Светлана Мисихина
Анжела Назарова
Сергей Пухов
Наталья Самсонова
Сергей Смирнов
Степан Смирнов
Алёна Чепель
Андрей Чернявский

Ждем Ваших вопросов и замечаний!

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ: тел./факс +7 (495)625-94-74, e-mail: <http://www.dcenter.ru>.

НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»: тел. +7 (495) 621-79-83, e-mail: hse@hse.ru, <http://www.hse.ru>

Вся информация, представленная в Выпуске, базируется на данных официальных органов и расчетах Института «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики».

При использовании, частичном или полном, материалов, изложенных в настоящем Выпуске, необходимо указывать ссылку на Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году